

DOI: 10.17976/jpps/2019.01.13

ВОСТОК ДЕЛО ТОНКОЕ: АРМИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ СТРАН АЗИИ

В.А. Конышев, А.А. Сергунин

КОНЫШЕВ Валерий Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, email: konyshev06@mail.ru; **СЕРГУНИН Александр Анатольевич**, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, email: sergunin60@mail.ru

Конышев В.А., Сергунин А.А. Восток дело тонкое: армия в политических процессах стран Азии. — Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 182-191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.13>

Статья поступила в редакцию: 13.07.2018. Принята к печати: 01.08.2018

Аннотация. В рецензии на коллективную монографию “Армии на современном Востоке” под редакцией Д.В. Стрельцова обсуждается роль вооруженных сил в социально-политическом развитии стран Востока. В фокусе исследования авторов находятся вопросы правового положения армии, ее функции в обеспечении безопасности, участие армии в политических и экономических процессах, взаимоотношение армии и общества, актуальные вопросы реформирования и развития вооруженных сил. По мнению авторов книги, изучение роли армии в жизни государств Востока не теряет своей актуальности на протяжении многих лет. Это связано с историей становления государственности, особенностями политических процессов в афро-азиатском мире, современными процессами модернизации, которые объективно были связаны с активной ролью вооруженных сил в жизни общества. Особое внимание авторы уделяют военно-гражданским отношениям, которые отличаются большим разнообразием в зависимости от конкретных условий существования изучаемых государств — Египта, Израиля, Турции, Пакистана, Индии, Мьянмы, Таиланда, Индонезии, Китая, КНДР и Японии. Авторы показывают, что периоды повышения роли военных в политических и экономических процессах имели не только негативные, но и положительные стороны. Вооруженные силы не раз выступали гарантами сохранения государственности во время кризисных ситуаций и служили государству опорой в проведении социально-экономических преобразований. Авторы приходят к выводу, что в силу высокого потенциала конфликтности на Востоке влияние военных будет оставаться высоким в большинстве государств, хотя и не обязательно в прямой форме. В то же время во многих случаях созданы определенные механизмы сдержек и противовесов, предотвращающие чрезмерное усиление военных. Тем самым общества в известной мере адаптировались к исторически высокой роли военных в жизни общества.

Ключевые слова: вооруженные силы, безопасность, военно-гражданские отношения, государство, региональное развитие, глобальное развитие, Восток, военные конфликты.

В современной мировой политике можно наблюдать целый спектр различного рода трансформаций. Мировым научным сообществом многое сделано для изучения процесса перераспределения центров силы, глобализации и глобальных проблем, эрозии суверенитета государства, растущей роли негосударственных акторов и мягкой силы, новых угроз национальной и международной безопасности и изменения характера войн.

Сегодня мы являемся свидетелями не просто изменений, но и усложнения политики, связанного с переплетением и взаимным влиянием указанных тенденций. Все очевиднее проявляется нелинейный характер эволюции международной системы и международных отношений, который сопровождается и откатами назад, и непредсказуемыми поворотами. Глобализация сталкивается с обратным процессом – регионализацией; эрозия суверенитета, кризис международных организаций и системы международного права делают востребованной государствоцентричную внешнюю политику; механизмы многостороннего сотрудничества в рамках международных институтов уступают место двусторонним отношениям. Внутренняя политика все активнее влияет на внешнюю политику многих государств и, в свою очередь, испытывает обратное влияние.

Этим объясняются кажущиеся порой неожиданными зигзаги в мировой политике и в политике отдельных государств, которые не умещаются в сложившиеся ранее правовые формы, нормы и традиции международных отношений, а также не очень вписываются в историю двусторонних отношений государств. Достаточно напомнить о поворотах в российско-турецких отношениях на фоне сирийского кризиса; о решении ряда арабских стран и Турции, которая остается членом НАТО, покупать российское оружие; об отказе США от транстихоокеанского партнерства; о нарастании торгово-экономических противоречий между США и ЕС, а также США и Китаем.

На Востоке развитие политической ситуации принимает еще более витиеватые очертания на фоне того, что многие государства, с одной стороны, переживают период быстрого роста, а с другой – проходят политическую и социально-экономическую модернизацию. Она идет разнонаправленно и неравномерно, сопровождаясь периодическими кризисами и конфликтами как внешнего, так и внутреннего свойства. Глобализация, вызвавшая слом традиционного уклада во многих странах Востока, привела к противодействию вестернизированной модернизации в экономической и в морально-ценностной плоскостях. В связи с этим возникает и специфическая роль отдельных государственных институтов, которая не укладывается в традиционные политологические представления.

Уместно напомнить, что эти представления во многом обусловлены европоцентристским взглядом на природу государства и международной политики, характерным для англосаксонской политической мысли. Но в действительности на Востоке понятие суверенитета не было системообразующим, государственные институты зачастую недостаточно эффективны, чтобы держать под контролем внутреннюю политику, а на политическую жизнь могут оказывать существенное влияние не партии, а достаточно аморфные общественные или религиозные движения и идеологии. Большинство конфликтов на Востоке имеет внутривнутриполитическую подоплеку и не связаны напрямую с межгосударственными противоречиями. Поэтому неслучайно, что современная западная, да и российская политическая мысль, сталкиваются с проблемой выявления тех закономерностей, которые проявляются в политических процессах на Востоке.

Конечно, военные конфликты, роль армии в социально-политических процессах Азии и Африки всегда находилась в фокусе внимания отечественной науки [Вооруженные силы... 1981; Мирский 1989; Конфликты и войны...

2015], однако быстрые трансформации международной системы требуют дальнейшего переосмысления многих вопросов. Ведущие державы внесли существенные коррективы в военные стратегии и доктрины [Конышев, Сергунин 2014]. Но как именно государства Востока реагируют на современные вызовы безопасности? Какова роль армии в жизни обществ, многие из которых постоянно сталкиваются с внешними и внутренними конфликтами? Каковы тенденции в эволюции стратегий и функциональных возможностей вооруженных сил? Каковы социальные последствия активной роли военных в государственном управлении, которое наблюдается во многих странах? Это путь к регрессу политических структур или путь “прорыва в будущее”?

Рецензируемая книга “Армии на современном Востоке” [Армии на современном Востоке 2018] под редакцией профессора МГИМО МИД России Д.В. Стрельцова оказывается очень своевременным исследованием, которое дает пищу для подобных размышлений, предлагая пострановый анализ роли армии в общественно-политическом развитии государств: Египта, Израиля, Турции, Пакистана, Индии, Мьянмы, Таиланда, Индонезии, Китая, КНДР и Японии. Эта монография стала продолжением исследований авторского коллектива, опубликовавшего учебное пособие об особенностях формирования внешней политики в странах Востока [Внешнеполитический процесс... 2017].

Внимание коллектива исследователей сосредоточено на правовом положении армии, ее функциях и специфике как политического института, на взаимодействии армии и других государственных органов, на роли армии в жизни общества, на реформах вооруженных сил и направлениях их дальнейшего развития. Авторский коллектив включает в себя известных специалистов из МГИМО, часть из которых является одновременно научными сотрудниками Института востоковедения РАН. Учеными использован широкий круг оригинальных источников на языках изучаемых стран, что позволило выявить особенности той роли, которую играет армия в жизни конкретных государств.

Особый интерес к данной теме вызван тем, что во многих странах Востока военные проявили себя влиятельной и авторитетной силой не только на этапе становления государственности, но и в последующие периоды, оказывая влияние на широкий круг аспектов жизни общества. А в таких странах, как Египет или Мьянма, военные непосредственно находятся у власти. Офицерский корпус, по сути, представляет собой часть элиты, которая поддерживает традиционалистские идеологии. Служба в армии не только престижна, но и создает хороший трамплин для политической карьеры.

На фоне кризисных явлений и неустойчивости многих режимов очевидно, что и в обозримой перспективе вооруженные силы будут в значительной мере определять политические процессы в государствах Востока, обеспечивая механизм мобилизации общества. Конечно, при этом едва ли можно ожидать, что активность военных имела или будет иметь в будущем какие-то однозначно положительные или отрицательные последствия. Привычный западно-либеральный стереотип о “милитаризации” политики как априорно негативном явлении здесь оказывается не вполне уместным.

В первой главе монографии исследователи анализируют особенности военных конфликтов, происходящих на Ближнем Востоке. Ведь именно здесь проявились признаки “гибридной войны” в ходе второй ливанской войны

(2006 г.), на которые впервые обратил внимание Ф. Хоффман [Hoffman 2007]. В настоящее время этот термин используется, пожалуй, даже слишком широко и носит явно политизированный характер. Авторы проясняют, что же означает “гибридность” на практике и отмечают, что истоки этого явления восходят к временам Первой мировой войны, когда Британия поддерживала восставшие арабские племена в борьбе против Османской империи. В последующих конфликтах на Ближнем Востоке с участием США, Израиля, Сирии, организации “Хезболла” этот опыт был развит: это и уровень используемых технологий, и взаимодействие армии с нерегулярными формированиями, и психологическое воздействие на противника при активном участии разведывательных служб. Последний сюжет авторы иллюстрируют на примере Шестидневной войны.

Опыт показывает, что выполнение регулярной армией не свойственных ей функций, таких как участие в гражданской войне, порождает и специфические проблемы: повышение уязвимости и раскол офицерского корпуса на фоне гражданского конфликта, что ярко проявилось в сирийском кризисе, начавшемся в 2011 г. В итоге армия ставится перед политическим выбором и деградирует вслед за распадом системы политического управления государством. Именно этот фактор авторы считают решающим в случае Сирии, когда офицеры регулярной армии пополнили ряды Свободной сирийской армии и вошли в джихадистские группировки. Аналогичным образом роспуск силовых структур Ирака после свержения С. Хусейна привел к тому, что офицеры-сунниты пополнили ряды террористических формирований. В то же время расширение функций вооруженных сил имеет и положительные стороны, о чем говорит опыт Израиля, который весьма успешно использовал военных для строительства поселений.

Авторы справедливо указывают, что эпоха гибридных войн требует осмысления в терминах военной науки. Жаль, что они лишь вскользь касаются этой темы. Между тем напрашивается следующий логический шаг – проанализировать, что же такое “гибридная война” на доктринальном уровне в государствах Ближнего Востока? Или это лишь новое выражение для известных приемов ведения войны? Данная тема удачно дополнила бы ведущиеся дискуссии о природе войны между клаузевианцами и постклаузевианцами в западной и российской научной литературе [Коньшев, Сергунин 2013]. Подобный анализ был бы весьма актуален, так как авторы отмечают, что страны Востока сталкиваются как с регулярными угрозами безопасности (например, Египет против Судана и Эфиопии по поводу раздела вод Нила), так и с нерегулярными.

Пожалуй, наиболее оригинальной и заслуживающей внимания является развиваемая в монографии тема участия военных в социально-политической жизни общества. В истории стран Востока мы видим примеры, как формировались многочисленные военно-гражданские правящие коалиции (в Ираке, Египте, Сирии, Алжире), которые сочетали практику вооруженных переворотов, но одновременно способствовали постепенному переходу к президентским формам правления, т.е. политической стабилизации. Армия заполняла собой политический вакуум, возникавший после обретения независимости бывшими колониями, и участвовала в становлении государственности.

Появляется относительная самостоятельность военных и практика правового закрепления армии как самостоятельного политического института (Йеменская Республика, Египет, Сирия, Турция). В Мьянме главнокомандующий является независимой от президента фигурой – президент лишь назначает его, но сам не имеет военных полномочий. Это не привело к вырождению политической власти. Наоборот, армия выступала гарантом внутренней безопасности в периоды смуты, обеспечивая передачу власти и формирование управляющих структур, как это было в Египте после ухода Мубарака (2011 г.) и в Мьянме (1988 г.). Программы экономической модернизации во многих странах также проходили при прямом участии вооруженных сил.

Исследователи показывают, что со временем во многих странах Востока сформировались сдерживающие механизмы, защищающие государство и общество от чрезмерного контроля военных в виде кадровой политики, запрета военным на членство в партиях и политическую деятельность, запрета на создание военизированных формирований при общественных организациях или партиях, а также за счет введения специальных форм контроля со стороны спецслужб, национальной гвардии и других ведомств. Наиболее сбалансированными оказываются военно-гражданские отношения в Израиле, хотя армии передана часть гражданских функций и она в целом оказывает значительное влияние на принятие внешнеполитических решений и жизнь общества. Однако стоит упомянуть и о формировании особой политической культуры в странах Востока, которая также обеспечивает военным значительный авторитет и влияние.

Особое положение сложилось лишь в Турции, где после неудачной попытки переворота в 2016 г. армия лишилась влияния и привилегий, подверглась чисткам на предмет лояльности и, судя по всему, в ближайшей перспективе останется под жестким контролем президента. Перестраивание государственного механизма сопровождается оттеснением военных элит от политической власти за счет новых партийных функционеров. Остается неясным, сохранится ли эта тенденция, хотя авторы вполне аргументированно констатируют, что “эпоха военных переворотов в стиле 12 сентября 1980 г. уходит в прошлое”. Но не изменится ли ситуация после ухода Эрдогана?

Уникальный пример представляют собой вооруженные силы Ирана, поскольку сам Иран занимает особое место в региональной политике, исторически претендовавший на лидерские позиции в треугольнике Саудовская Аравия – Ирак – Иран. После разгрома Ирака в результате интервенции США и ядерной сделки конфигурация изменилась в пользу усиления влияния Ирана, суть внешней политики которого авторы сводят к экспорту исламской революции. Таким образом, военная стратегия Тегерана строится с учетом идеологии, имеющей жесткую религиозную основу, что вызывает немалые опасения в западном мире, тем более что главнокомандующим является духовный лидер нации.

Исследователи отмечают важные особенности стратегии Ирана, сдерживающие военную экспансию. Во-первых, военная составляющая остается лишь одним из инструментов исламизации окружающего мира наряду с мягкой силой – пропагандой, идеологией, дипломатией. Во-вторых, Иран оказывается в двойственном положении: с одной стороны, он стремится стать образцом для исламского мира, с другой – арабские страны являются объектами

экспорта революции. Да и вопрос о правомерности войны с мусульманскими странами остается дискуссионным для Ирана.

В плане военно-гражданских отношений в Иране ученые подробно анализируют влияние Корпуса стражей исламской революции (КСИР), который выполняет не только полицейско-репрессивные и военные функции, но и экономические, значительно укрепив свое влияние в период санкций, контролируя 25-30% экономики страны. Финансирование КСИР непрозрачно для государственных структур, так как осуществляется по теневым схемам. Проблема видится авторам в том, что КСИР подчиняется только Духовному лидеру, что создает проблему контроля со стороны президента. Ученые приходят к выводу, что КСИР – это государство в государстве, “становой хребет государственности Исламской Республики Иран”. Весьма интересен и поучителен опыт властей Ирана по установлению контроля над армией и КСИР, что способствует консолидации иранского общества.

Статус и влияние военных в Пакистане во многом связаны с особенностями отношений с Индией, уходящими в колониальное прошлое. Конкуренция и религиозная вражда способствовали вовлечению Пакистана в сферу американского влияния и усилению его военной мощи. При политической и экономической слабости, а также неразвитости партийно-политической системы, пакистанские власти с самого начала рассчитывали на внешнюю помощь, а военные вскоре взяли власть в свои руки путем бескровного переворота. В дальнейшем влияние военных (и военный потенциал) только увеличивалось до гипертрофированной степени, опираясь на помощь США, Саудовской Аравии, Китая, КНДР.

В военно-гражданских отношениях в Пакистане авторы отмечают схожую с Ираном ситуацию – относительную экономическую самостоятельность военных, которые ведут свой бизнес без посредников, опираясь на созданные предприятия и военные фонды, выполняющие функции управления. Подобная картина наблюдается в Индонезии, Мьянме и других странах. Как и в большинстве стран Востока, армия выполняет роль социального лифта, позволяющего сделать карьеру представителям малоимущих граждан. В непрерывном противостоянии с гражданскими властями пакистанские военные “ушли в тень” после ряда поправок в конституцию, сохраняя неформальные рычаги влияния.

В Индии характер военно-гражданских отношений определяется близостью политической системы к западно-либеральным образцам. Более того, контроль государства над военным ведомством столь силен, что военные даже не имеют права голоса по военному бюджету. Как отмечают авторы, такая ситуация вызывает протесты ряда индийских экспертов и представителей военного ведомства и негативно сказывается на программах развития вооруженных сил. В отличие от многих азиатских стран, в Индии не развита самостоятельная экономическая деятельность военных. Еще одна особенность вооруженных сил – прямое участие в подавлении мятежей сепаратистов и борьба с терроризмом и экстремистскими группировками вроде индийских маоистов. Чтение этой главы оставляет впечатление, что подобная практика не создает особых проблем для индийского общества.

Специфику военно-гражданских отношений в Китае следует изучать в тесной связи с уникальным опытом строительства государства, который ученые счита-

ют “непрерывным и целостным” на протяжении свыше двух тысяч лет. Его особенность состоит в сплетении своеобразного китаецентризма в восприятии политики, традиций конфуцианства и понимания неразрывной связи власти и армии (известный тезис Чан Кайши “есть армия – есть власть”). В Китае также существовала практика создания сельскохозяйственных и промышленных предприятий “под крылом” военных, повышая тем самым их благосостояние и частично решая проблему финансирования из госбюджета. Правда, одновременно это порождало не только коррупцию, с которой ведется серьезная борьба, но и снижение профессиональных качеств вооруженных сил.

Авторы уделяют внимание анализу реформ Народно-освободительной армии Китая, которые направлены на адаптацию передового опыта управления, развития и применения вооруженных сил ведущих стран мира. В части военно-гражданских отношений КПК сохраняет контроль над армией с помощью Центрального военного совета КПК и Центрального военного совета (ЦВС) КНР во главе с Председателем Си Цзиньпином. Через этот пост Си получил единоличные полномочия на применение вооруженных сил, включая ядерные. Нейтральность военных к политическим событиям внутри страны обеспечивается не контролем спецслужб, а системой сдержек и противовесов, выстроенных в недрах самой армии, интеграцией генералитета в высшее партийное руководство и положением Си в ЦВС.

При этом механизм управления военным ведомством носит крайне закрытый для публики характер, что в целом традиционно для политической культуры Китая. Например, мало что известно о Совете государственной безопасности, созданном в 2013 г., который, судя по всему, выполняет роль оперативного управления и контроля над силовыми ведомствами. Авторы подмечают интересную особенность: претендент на высший государственный пост обязательно проходит ротацию в ЦВС в качестве заместителя председателя для укрепления связи с военными. Этот кадровый маневр служит хорошим сигналом о скором приходе к власти преемника.

Армия КНДР, подобно китайской, начинала формироваться по советскому образцу, а руководитель Ким Ир Сен в прошлом даже служил в Советской армии. Однако довольно быстро корейская армия приобрела свою специфику, так же, как и корейский вариант социализма – “чучхэ”. На становление военно-гражданских отношений в КНДР повлиял опыт партизанской борьбы против Японии на территории оккупированной японцами Маньчжурии, которой как раз руководил товарищ Ким. Считается, что этим объясняется жесткое централизованное управление, серьезно подавляющее в том числе межфракционную борьбу, которая неоднократно создавала проблемы для Ким Ир Сена. С годами в результате внутрипартийной борьбы была выработана высокая консолидированность корейских элит в отношении политического пути развития КНДР. Армия стала отлаженным механизмом, реализующим волю политического руководства и претендующая на самостоятельную роль в сфере принятия решений.

В 1990-е годы на фоне краха системы социализма, нормализации отношений России и Китая с Республикой Корея и внутриэкономических проблем статус армии повысился, и она была объявлена примером для всего общества и новой движущей силой революции. При этом армия не получила самостоятельной политической роли, а стала инструментом идеологической

мобилизации общества в критический период. Одновременно армия весьма активно использовалась для решения экономических задач. Эта же линия продолжается и при Ким Чен Ыне.

Японские вооруженные силы отличаются уникальными особенностями по сравнению с другими армиями стран Востока. С одной стороны, их наступательное применение ограничивает 9 статья конституции (отказ от войны или угрозы войны как политического средства), с другой, – это одна из самых современных, оснащенных и боеспособных армий мира. Важнейшим этапом становления военной политики Японии стала демилитаризация и гарантии безопасности со стороны США в обмен на размещение военных баз на ее территории. Япония получила право только на индивидуальную самооборону, сократила военные расходы до уровня менее 1% ВВП, отказалась иметь ядерное оружие. Все это создало крайне ограниченную роль вооруженных сил в системе управления государством. В дальнейшем США стимулировали Японию к укреплению военной мощи, но приоритетом остался отказ от вовлечения в конфликты.

Лишь к началу 2000-х годов под влиянием усиления КНР и реализации ракетно-ядерных программ КНДР произошел пересмотр военной политики Токио. Стал обсуждаться тезис о том, что повысить влияние Японии и нейтрализовать укрепление позиций Китая в регионе может приведение в соответствие экономической и военной мощи государства. В свою очередь, это вызвало и дебаты в отношении 9 статьи конституции и постепенный отказ от “доктрины Ёсида” в пользу “доктрины Абэ”. Шаг за шагом снимаются запреты на экспорт вооружений, допускается невоенная помощь вооруженным силам других стран, расширяется военное сотрудничество с США (особенно по вопросам ПРО), наконец, принимается закон о праве на коллективную самооборону, т.е. впервые разрешается использовать вооруженные силы за рубежом для защиты союзников (но только в случае возникновения угроз самой Японии) и в миротворческих операциях.

Окончательный слом “пацифизма”, возможно, произойдет в случае пересмотра 9 статьи конституции, однако авторы рецензируемой книги считают, что даже в этом случае резких изменений в политике Японии не произойдет. То же касается перспективы создания ядерных сил. В общем авторская позиция внушает оптимизм по поводу дальнейшей эволюции российско-японских отношений.

Пожалуй, в случае Японии военно-гражданские отношения воплощают собой наиболее последовательный гражданский контроль над армией, причем это касается всех сторон жизни армии: принятие решений, развитие, функционирование. Последовательно реализован и принцип неучастия военных в политической жизни страны, подкрепляемый не только развитыми институтами демократического управления, но и культурной и политической традицией, сформированной по итогам Второй мировой войны.

В монографии достаточно много внимания уделено эволюции, составу вооруженных сил, военным доктринам и реформам армии. В то же время в работе получился некоторый дисбаланс. Например, более полный и конкретный анализ представлен по Ирану и Индии, в случаях с Турцией, Китаем, КНДР, Израилем, Японией, Таиландом, Мьянмой авторы больше внимания уделили политическим и стратегическим аспектам деятельности вооруженных сил.

В целом монография дает читателю хорошее представление о пестрой картине эволюции военной политики в странах Востока. Конкретно-исторический анализ факторов и движущих сил военно-гражданских отношений показывает тенденцию к ее многовекторному развитию, далекому от каких-то универсальных шаблонов и априорных теоретических концепций о роли военных в жизни современного общества и государства.

При всем многообразии вариантов развития можно видеть, что повышение влияния военных в определенных условиях способно помочь обществу преодолеть кризисные ситуации и стать движущей силой реформ, как социально-политических, так и экономических. Потенциал конфликтности в странах Востока, который усугубляется внешним военным вмешательством Запада [Наумкин 2015], остается высоким в обозримой перспективе, поэтому роль военных будет оставаться высокой, хотя конкретный характер военно-гражданских отношений зависит от множества факторов.

Обществу необходимо находить сбалансированные механизмы управления, чтобы военные не превращались в карателей. Интересно, что принцип “сдержек и противовесов” против чрезмерного усиления военных многие восточные государства сумели реализовать не с помощью институтов демократии, а вполне авторитарными методами. Возможно, в этом тоже есть ростки новой, незападной модели развития, о которой теперь так много пишут?

DOI: [10.17976/jpps/2019.01.13](https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.13)

ORIENT IS A DELICATE MATTER: MILITARY IN POLITICAL PROCESSES IN ASIAN COUNTRIES

V.N. Konyshov¹, A.A. Sergunin¹

¹*Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia*

KONYSHEV, Valerii Nikolaevich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Department of Theory and History of International Relations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, email: konyshov06@mail.ru; **SERGUNIN Aleksandr Anatol'evich**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Department of Theory and History of International Relations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, email: sergunin60@mail.ru

Konyshov V.N., Sergunin A.A. Orient Is a Delicate Matter: Military in Political Processes in Asian Countries. – *Polis. Political Studies*. 2019. No. 1. P. 182-191. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.13>

Received: 13.07.2018. Accepted: 01.08.2018

Abstract. A review of the collective monograph “Armed forces in the Modern East” edited by D.V. Streltsov discusses the role of the armed forces in the socio-political development of the eastern states. The authors of the monograph focus on the legal status of the armed forces, its role in providing security, its participation in political and economic processes, as well on the relationship between the army and society, and important issues of the armed forces reforms. According to the authors of the book, the study of the role of the armed forces in the eastern states policy did not lose its relevance for many years. This role has deep roots in the history of the formation of statehood, the peculiarities of political processes in the Afro-Asian world, modernization processes, which were objectively related to the active role of the armed forces. The authors pay special attention to civil-military relations, which vary widely depending on the specific conditions in the eastern states studied: Egypt, Israel, Turkey, Pakistan, India, Myanmar, Thailand, Indonesia, China, North Korea, and Japan. The authors show that the periods of increasing the role of the military in political and economic processes had not only negative, but also positive aspects. The armed forces often acted as guarantors of the statehood during crises and served as a support in carrying out social and economic reforms. The authors conclude that due to the high potential of conflict in the East, the influence of the military will remain high in most states, although not necessarily in direct form. At the same time, in many cases, certain mechanisms of checks and balances

have been created, preventing immoderate influence of the military. Thus, societies to a certain extent adapted to the historically high role of the military.

Keywords: armed forces, security, civil-military relations, state, regional development; global development, East, military conflicts.

References

Hoffman F. 2007. *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars*. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies.

Armii na sovremennom Vostoke. Pod red. D.V. Streltsova [Armed Forces in the Modern East. Ed. by D.V. Streltsov]. 2018. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Konflikty i voyny XXI veka Blizhniy Vostok i Severnaya Afrika [Conflicts and Wars in the 21st Century. Near East and Africa]. 2015. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. (In Russ.)

Konyshov V., Sergunin A. 2013. Discussions About Wars of Future in Russian Expert Community: Myths and Reality. — *Problems of National Strategy*. No. 4. P. 100-114. (In Russ.)

Konyshov V., Sergunin A. 2014. *Sovremennaya voennaya strategiya* [Modern Military Strategy]. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Mirskiy G. 1989. *Rol' armii v politicheskoy zhizni stran tret'ego mira* [The Role of Armed Forces in the Third World States Policy]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Naumkin V. 2015. Deeply Divided Societies of the Near and Middle East: Conflicts, Violence, and Foreign Involvement. — *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. No. 1. P. 66-96. (In Russ.)

Vneshnepoliticheskii protsess na Vostoke. Pod red. D.V. Streltsova [Foreign Policy Process in the East. Ed. by D.V. Streltsov]. 2017. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Vooruzhonnnye sily v politicheskoy sisteme [Armed Forces in Political System]. 1981. Moscow: Institut gosudarstva i prava. (In Russ.)

Литература на русском языке

Армии на современном Востоке. 2018. Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс.

Внешнеполитический процесс на Востоке. 2017. Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс.

Вооруженные силы в политической системе. 1981. М.: Институт государства и права.

Конflikты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка. 2015. М.: Институт востоковедения РАН.

Конышев В.Н., Сергунин А.А. 2013. Дискусии о войнах будущего в российском экспертно-аналитическом сообществе: мифы и реальность. — *Проблемы национальной стратегии*. № 4. С. 100-114.

Конышев В.Н., Сергунин А.А. 2014. *Современная военная стратегия*. М.: Аспект Пресс.

Мирский Г.И. 1989. *Роль армии в политической жизни стран "третьего мира"*. М.: Наука.

Наумкин В.В. 2015. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство. — *Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*. № 1. С. 66-96.